

7 января 1979 г. № 6 (17997)

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ПРЕКРАСНОГО

Радуга

ВЕЧНОЕ ЧУДО

Встреча
для вас

ТАНЦА

Богат событиями для красноярцев год прошедший. Одно из самых значительных — рождение в нашем крае нового творческого коллектива — Красноярского государственного театра оперы и балета. Сегодня в гостях у «Радуги» главный балетмейстер театра лауре-

ат Государственной премии Узбекской ССР Н. С. МАРКАРЬЯНЦ. По просьбе корреспондента «Красноярского рабочего» Н. Просековой он рассказывает о строгих законах балета, его верных рыцарях, о том, как научиться понимать искусство классического танца.

— Николай Сергеевич, может быть, этот вопрос вас несколько удивит, но все же — за что вы любите балет?

— Балет — это моя жизнь. Все лучшее, все самое памятное связано с ним. Искусство танца — одно из самых притягательных, а классический танец — высшее его проявление. Уже много лет я служу ему и не перестаю удивляться, как много может передать одно движение, один жест. Давайте вспомним хотя бы «Спящую красавицу» в постановке Петипа. Какие там гениальные танцы и как органично сплетена с ними добрая старая пантомима, прекрасная своей простотой.

У короля Флорестана праздник — крестины дочери Авроры. Нарядные гости поздравляют счастливых родителей. И вдруг в коляске, которую везут мыши, появляется злая фея Карабосс. Она разгневана. Как, вы танцуете? Она изображает танец. А меня забыли?! Король и королева перепуганы — это не мы. Это Каталюба! — они указывают на своего церемониймейстера. Злая фея начинает вырывать на голове у Каталюба волосы — вот тебе.

Но это еще не все, как бы говорит фея. Да, ваша девочка будет расти — это показывают движения руки снизу вверх. И она действительно станет красавицей. Но она уколется палцем — и умрет! Королева просит о пощаде, но Карабосс непреклонна. Тогда появляется добрая фея Сирени. Да, говорит она, принцесса уколется палцем, но она не умрет (простое движение головой), а уснет (опять привычный нам жест, к которому мать обычно прибегает, показывая малышу, что пора спать). А потом придет принц (фея выбрасывает руку вверх — это жест, обозначающий человека из высшего общества), он ее полюбит (ее руки касаются сердца), поцелует (они взлетают к губам), и она проснется. Представьте к тому же, что на сцене красавица девушка в великолепном уборе, а все ее движения нежны и пластичны.

Возможно ли убрать такую пантомиму, заменить ее чем-нибудь? Конечно же, нет. И разве возможно ее не любить?

— Как вы относитесь к современному балету?

— Я не открою Америку, если скажу, что подлинны шедевры всегда современны. Лучшие постановки Перро, Корали, Петипа и сейчас в наше «атомное время» не утратили своей прелести. У них мы учимся и будем учиться. Я считаю, что современный балет должен органически впитать в себя все лучшее, то есть у балета классического. Нельзя строить его заново, на голом

месте. Кстати, такие попытки есть. Но мне кажется, это уже гимнастика, акробатика. А между тем балет — прежде всего танец. Для акробатических этюдов есть спортивные залы, великолепные мастера. А в балете свои законы, и от них никуда не уйдешь, как, например, от первой позиции.

Другая сторона взаимоотношения старого и нового — возрождение постановок великих хореографов прошлого. Кстати, очень сложное дело — ведь обычно подробного описания танца нет — да это и невозможно сделать. Они передаются от одного поколения исполнителей к другому. Хореографу нужно собрать драгоценные крупы и слить их воедино. И самое главное — быть при этом предельно бережным. «Не касайтесь руками шедевров. Учитесь у них, но не переделывайте их», — так говорил мой учитель, выдающийся балетмейстер Федор Васильевич Лопухов.

— Зрители уже познакомились с вашей хореографией, посмотрев одноактные балеты «Кармен-сюита», «Барышня и хулиган», расскажите, пожалуйста, как они создавались.

— Впервые я поставил их в Ташкенте. Работать приходилось очень много. Сначала — для того, чтобы пробудить интерес у труппы, потом — над воплощением замысла. Репетиции шли почти каждый день допоздна. А после актеры не уходили: мы обсуждали, спорили, искали, наверное, поэтому эти работы мне так дороги.

Потом я ставил их в Ашхабаде, а «Кармен-сюиту» — в Иране. И в Красноярске постановка этих балетов доставила мне огромное удовольствие. И опять я не раз с благодарностью вспоминаю своего учителя. Помимо высочайшего профессионализма, его отличало еще глубокое понимание психологии актера. А как это важно, особенно когда работаешь с молодой труппой! Как важно поверить в танцовщика и вселить в него самого эту веру.

Когда я предложил молодому актеру одну из сложнейших характерных партий, он удивился. Да что вы, у меня ничего не получится. А ты попробуй, говорю. Проходит одна репетиция, другая — он смеется, а потом признается: а ведь что-то есть. А если бы не было, разве стал бы я с тобой терять время, смеюсь уже я.

Федор Васильевич был человеком высокой общей культуры и стремился передать ее нам, своим ученикам. Он, например, никогда никого не называл на ты, а ведь ему было уже более восьмидесяти! «Даже если среди актрис ваша жена, не называйте ее в театре на ты», — говорил Федор Васильевич. Сейчас понимаю, как молод был я тогда и неопытен, как мало взял от него. А надо было смелее развязывать мешки его знаний...

— Многим красноярцам, особенно молодым, только сей-

час, с рождением нового театра, предстоит открыть для себя балет. Как вы посоветуете им начинать знакомство с классическим танцем?

— Хорошо, если рядом окажется человек, понимающий и любящий балет. Лучше всего с ним и отправляться в театр. Он может многое объяснить, обратить ваше внимание на тысячу мелочей, которых вы одни просто не заметите, не поймете. Он расскажет вам о музыке и ее воплощении в танце.

А потом можно приниматься за чтение. О балете написано немало увлекательных страниц. Мемуары, исторические очерки, рецензии. Думается, по праву одно из самых почетных мест в этом ряду занимают книги Ф. В. Лопухова «60 лет в балете» и «Хореографические откровения». Они увлекают с самых первых страниц. Федор Васильевич — современник Петипа, Фокина, Павловой, Нижинского — всех тех, кто в начале века создал мировую славу русскому балету. Сам танцовщик, а позднее — балетмейстер, педагог. К тому же он интересный рассказчик.

А после встречи с хорошей книгой вновь — в театр, чтобы окунуться в стихию музыки и танца.

НА СНИМКАХ: Н. Маркарьянц; половецкие пляски из оперы А. Бородина «Князь Игорь».

Фото А. Токаря.

